

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811'1

Дата поступления: 15.03.2024
рецензирования: 19.05.2024
принятия: 02.09.2024

Функционально-прагматические параметры высказываний с эксплицитным модусом незнания в научном диалоге

О.Н. Чалова

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
Республика Беларусь, г. Гомель,
Минский государственный лингвистический университет,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: oksana-chalova@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0009-0003-9811-4005>

Аннотация: Статья посвящена выявлению аспектов функционирования перволичных высказываний с эксплицитным модусом незнания / игноративных сообщений в такой разновидности общения, как устная научная дискуссия. Актуальность такого анализа обусловлена необходимостью изучения различных параметров дискурса, в том числе эпистемических и прагматических, в их тесной связи. Основным методом исследования – контекстуальный анализ. Источниками материала послужили стенограммы современных англо- и русскоязычных научных дискуссий разных областей знания. В работе выявляются иллокутивные свойства игноративных высказываний, устанавливаются их прагматические функции, определяется место в традиционной классификации речевых актов. Учет иллокутивной направленности ссылок на незнание позволяет выявить репрезентативные, интеррогативные, аксиологические разновидности игноративов, их подвиды, определяемые в связи со степенью экспрессивности, вектором оценки, характером репрезентативной и интеррогативной роли речевых актов с модусом незнания: экспрессивные и условно экспрессивные, позитивно- и негативно-оценочные, предупреждающие и hesitantивные и др. Помимо этого, выявляются факторы, детерминирующие иллокутивную природу игноративов: поверхностная структура сообщения, общий контекст высказывания, положение игноратива в составе диалогического единства, условия успешности речевого акта, оформленного в виде ссылки на незнание. В заключение формулируется вывод, что ссылки на незнание являются вполне органичным явлением в структуре научного диалога, поскольку выполняют в нем ряд важных функций. Предложенная схема анализа может быть использована для изучения высказываний с другими эксплицитными модусами (знания, мнения и др.) в различных типах дискурса.

Ключевые слова: дискурс; научный дискурс; научный диалог; модус; эпистемический модус; незнание; репрезентатив; интеррогатив; экспрессив; оценка.

Цитирование. Чалова О.Н. Функционально-прагматические параметры высказываний с эксплицитным модусом незнания в научном диалоге // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 3. С.152–158. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-152-158>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Чалова О.Н., 2024

Оксана Николаевна Чалова – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, 246028, Республика Беларусь, г. Гомель, ул. Советская, 104; докторант кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Минский государственный лингвистический университет, 220034, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Захарова, 21.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.03.2024
Revised: 19.05.2024
Accepted: 02.09.2024

Functional and pragmatic parameters of speech acts with the explicit mode of ignorance in scientific dialogue

O.N. Chalova

Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Republic of Belarus
Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus
E-mail: oksana-chalova@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0009-0003-9811-4005>

Abstract: The article is about identifying functional aspects of 1st-person statements with the explicit mode of ignorance (messages like *I do not know... / We don't know... I don't know / We don't know ...*) in scientific discussions as a genre of scientific discourse. The relevance of the analysis is predetermined by the necessity to study various parameters of discourse (including both epistemic and pragmatic) as closely connected. The main research method is contextual and pragmatic analysis. The sources of the material are transcripts of modern English and Russian scientific discussions in various fields of knowledge. The article identifies the illocutionary properties of ignorant statements, establishes their

pragmatic functions, as well as determines their position in the traditional classification of speech acts. Taking into account the illocutionary orientation of references to ignorance makes it possible to identify representative, interrogative, axiological varieties of ignorance messages as well as their subtypes differentiated on the basis of the degree of their expressiveness, their vector of evaluation, the nature of the representative and interrogative role of speech acts with the mode of ignorance: fully expressive and conditionally expressive, positive and negative, preventive and hesitant, etc. The criterion “pragmatic functions” helps us specify additional functions of references to ignorance in scientific dialogue: to indicate a certain degree of the speaker’s epistemic responsibility for their words, to serve as a means of avoiding the answer, a way to prevent criticism, etc. Moreover, the work identifies factors determining the illocutionary nature of ignorance speech acts: the surface structure of the message, the general context of utterance, the position of the ignorance message in the dialogical unity, sincerity and felicity conditions of speech acts formulated as ignorance messages. References to ignorance are concluded to be quite a significant phenomenon in the structure of scientific dialogue, since they perform a number of important functions in it. The analysis scheme can be used to study statements with other explicit modes (knowledge, opinions, etc.) in various types of discourse.

Key words: discourse; scientific discourse; scientific dialogue; mode; epistemic mode; ignorance; representative; interrogative; expressive; evaluation.

Citation. Chalova O.N. Functional and pragmatic parameters of speech acts with the explicit mode of ignorance in scientific dialogue. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 152–158. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-3-152-158>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Chalova O.N., 2024

Oksana N. Chalova – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of Theory and Practice of English, Francisk Skorina Gomel State University, 104, Sovetskaya Street, Gomel, 246028, Republic of Belarus; doctoral candidate of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Minsk State Linguistic University, 21, Zakharov Street, Minsk, 220034, Republic of Belarus.

Введение

Научный диалог занимает особое место в системе разновидностей научной коммуникации. Под влиянием диалогического формата общения первичные параметры научного дискурса, в том числе и эпистемические, существенно модифицируются. В частности, значительно расширяются возможности выражения различных ментальных состояний субъектов научной коммуникации, включая незнание, что обуславливает использование конструкций с соответствующим эксплицитным модусом.

По нашим данным, в научном диалоге ядерной конструкцией, употребленной в качестве эксплицитного модуса незнания, является перволичная структура (я) *не знаю* / (мы) *не знаем* (*I don't know* / *we don't know*), например: **Не знаю, существует ли русская цивилизация, но русская культура точно есть** (Современная Россия 2014). *So, I don't know how to answer, because I don't think that there is, for me, a clear answer* (WAC 2016). Такая форма репрезентации незнания составляет специфику диалогических форм научной коммуникации и не является типичной для центральных / монологических / письменных жанров научной речи, где незнание манифестируется в основном традиционными для научного дискурса способами: как имплицитными – посредством формулировки целей и задач научного проекта или ссылок на имеющиеся исследовательские лакуны, так и эксплицитными, например за счет использования предиката *неизвестный* в разных его формах.

Несмотря на то что в последнее время научный диалог все чаще становится объектом лингвистического анализа (Абрэу-Фамлюк 2022; Маслова 2007; Соловьева 2007; Соловьева 2011) [Задворная 2017], направленного на выявление прагматических [Stroinska 2001] (Моргун 2002; Миланчук 2005),

стилистических [Smarandache 2007; Нистратова 2004] (Простов 2006), структурных и других параметров данного вида общения, его эпистемические свойства остаются малоизученной областью (Задворная 2001) [Задворная 2023]. Что же касается феномена незнания и особенностей его репрезентации, то в контексте научного диалога они практически не анализируются. В то же время без обращения к эпистемическому плану научной диалогической речи, в том числе и к области незнания, составить более или менее полное представление об устройстве научного диалога, как и любой другой разновидности коммуникации, практически невозможно, поскольку эпистемические параметры дискурса тесно взаимодействуют с другими его характеристиками, в частности прагматическими, что обуславливает необходимость их изучения в тесной связи.

В свете сказанного **цель** настоящей статьи состоит в выявлении функционально-прагматических характеристик высказываний с перволичными модусными вставками (я) *не знаю* / (мы) *не знаем* (*I don't know* / *we don't know*), представленными в научном диалоге. **Материалом** исследования послужили стенограммы англо- и русскоязычных научных дискуссий. В ходе работы были использованы **методы** контекстуального, лингвопрагматического анализа и трансформационного анализа.

Основная часть

По нашим наблюдениям, в научном диалоге перволичные ссылки на незнание всегда маркированы в прагматическом плане.

На прагматику перволичных игноративных сообщений оказывают влияние различные параметры, в том числе такие компоненты эпистемической ситуации, как субъект и объект незнания.

Так, например, тип субъекта незнания (*я / I* или *мы / we*) свидетельствует прежде всего о той степени ответственности, которую готов взять на себя говорящий за незнание: полную ответственность (в случае **я-незнания**: *Я не знаю, может, где-то это и опубликовано, но я могу сослаться только на личный разговор* (Современная 2014)) или **частичную** (в случае **мы-незнания**: *So a large percent of the archaeology in Brazil, it's about shell mounds and we don't know who they belong to, we can't trace them to anyone* (WAC 2016) – неререферентное употребление местоимения *we* сигнализирует о стремлении коммуниканта разделить ответственность за незнание с другими, а также является известным маркером авторской скромности и объективности).

Прагматические свойства игноративных сообщений детерминированы и характером объекта незнания. Несмотря на то что в научном диалоге объект незнания весьма вариативен, в ряде контекстов он не имеет прямого отношения к обсуждаемой проблеме или к области знания, которую представляет говорящий: *Я не берусь судить, насколько власть и государство разошлись во времени по причине – в конце концов, я не специалист по этой теме, а историков, которые бы четко ответили на этот вопрос, я не знаю* (Современная Россия 2014). Признание в таком незнании не дискредитирует говорящего ни в экспертном, ни в аргументативном плане.

Прагматическая информация, которую транслируют ссылки на незнание (как и любой другой речевой акт), не ограничивается вышеназванными вспомогательными задачами. Как известно, к ядру прагматического компонента любого высказывания, включая игноративные, относится его иллокутивная функция, отражающая прежде всего целевую направленность сообщения. В связи с этим при описании прагматических характеристик перволичных ссылок на незнание первостепенной задачей становится выявление их иллокутивных свойств, которые зависят от условий коммуникации.

Рассмотрим **иллокутивные разновидности ссылок на незнание** и условия их функционирования подробнее.

1. Репрезентативные ссылки на незнание.

Репрезентативные ссылки на незнание реализуют ассертивную семантику. Наличие ассертивного компонента обусловлено способностью игноративной реплики манифестировать незнание в форме прямой констатации и определяется следующими основными факторами:

1) поверхностной структурой высказывания (репрезентативная функция заложена уже самой синтаксической схемой ссылок на незнание): *Сказано много четкого. Я ограничусь тремя замечаниями. Не знаю, как их связать, хотя они явно связаны* (Данилова 2005);

2) особым положением игноративного сообщения в составе диалогического единства (репрезен-

тативная функция актуализируется, если ссылка на незнание формирует реплику реактивного порядка, не ориентированную на передачу коммуникативной инициативы адресату): (1): *Is there a CPT4 code so you can bill for genetic counseling and what is the Medicare reimbursement for that?* – (2): *I left my CPT code book back in Baltimore, so I don't know exactly the answer to that, but I can find that out* (Nanotechnology 2007);

3) общим контекстом, а также характером субъекта и объекта незнания, позволяющими определить иллокутивную силу игноратива, в том числе и репрезентативного, основная цель которого состоит в том, чтобы зафиксировать факт незнания, а не дискредитировать его субъект, ср.:

Что касается мировой торговли, то здесь есть ВТО, каким бы плохим оно ни было. И ВТО является важным инструментом борьбы с протекционизмом. Не знаю, насколько активно она будет вестись дальше, но уверен, что серьезного отката назад не случится (Сценарии 2009).

No, I think that what we are trying now to see, and we don't know yet, is whether after the reactivation, when they are in a labile state, whether the possibility to disrupt them actually targets the emotional component. Not the cognitive part of the memory, but more the emotional component, which is what makes them strong in the first place (Biology 2007).

Как видно из примеров, в научном диалоге использование ссылок на незнание в репрезентативных контекстах не понижает ни профессиональный, ни коммуникативный статус субъекта незнания, что обусловлено следующими причинами. Так, в первой реплике, которая реализуется как реакция на вопрос-возражение собеседника (*Вы сказали, что сейчас не время думать и разрабатывать что-то, связанное с новыми международными правилами организации экономики, поскольку не надо бы сейчас мешать странам, которые пытаются выбраться <...> Неужели нет смысла думать в эту сторону?* (Сценарии 2009)), дискредитирующие свойства игноративного сообщения элиминируются за счет частичного и сопутствующего (нерелевантного) характера незнания, практически не препятствующего реализации информативной стратегии научного дискурса, а во втором (англоязычном) высказывании – за счет ссылок на общий / коллективный характер незнания (посредством неререферентного употребления местоимения *we*, указывающего на неопределенное множество ответственных за незнание лиц, включающих и говорящего), а также фактом позволительности отсутствия соответствующих сведений на данном этапе развития событий (*We need to learn that* (National 2009)).

В контексте определяется не только иллокутивный тип игноратива, но и его разновидности. Так, в числе основных функционально-прагматических разновидностей репрезентативных ссылок на незнание, представленных в научном диалоге, можно назвать следующие: а) простая констатация

((1): <...> *А вот здесь (показывает) все непрерывно? – Не знаю. Это схема организации моей работы. Что там получится: одна теоретическая конструкция или много, по авторам, по этапам, – этого я сейчас не знаю* (Методология 2004)); б) предупреждение / предостережение (*We don't know where it's going to go* (WAC 2016)); в) hesitant (*Например, в ильенковском с одной типологией и щедровицянском с... не знаю, типологией ли* (Щедровицкий 2005)), который часто пересекается со ссылкой на трудности, испытываемые коммуникантом в ходе обсуждения научного вопроса и в некоторых других случаях, ср.:

(1): *Можем мы более жестко дифференцировать государство и власть?* <...> – (2): *Даже и не знаю, с чего начать.* <...> *Если власть – это в основном ощущение силы, то государство – это главным образом технологии управления. Сравните английские «power» (сила, мощь, власть, держава) и «state» (состояние, положение, государство)* <...> (Современная Россия 2014).

Lots of times we have to have whatever that insight is, it has to fit onto one page of paper <...>. I don't know how we could reduce it down to one page and it shouldn't be, but the ideas of the policies that govern some of the references that you've made to about teaching loads or licensure or certification or whatever <...> (Bridging 2004).

В приведенном русскоязычном контексте говорящий сталкивается с затруднениями на этапе формулировки ответа на вопрос (*даже не знаю, с чего начать*). Появление подобного игноративного репрезентатива не только косвенно сигнализирует о сложном характере вопроса (сообщение о трудностях), но и позволяет аргументатору собраться с мыслями, поразмышлять и выиграть время для более или менее содержательного ответа (hesitation marker). Что касается англоязычного игноратива, то здесь элементы hesitation не обнаруживаются: автор просто ссылается на сложность выполнения смысловой компрессии текста до объема в одну страницу и не предлагает вариантов решения этой проблемы, как в русскоязычном примере. На первый взгляд такая ссылка на трудности может показаться маркированной в интеррогативном плане (выглядит как косвенный запрос сведений). Однако отсутствие типичной для вопроса вербальной реакции со стороны собеседника, а также функционирование ссылки на трудности в составе ответной реплики не позволяют приписывать данному высказыванию наличия интеррогативной иллокуции.

В научном диалоге репрезентативные игноративы отличаются друг от друга не только своими функциональными, но и *экспрессивными свойствами*, в связи с чем целесообразно выделять:

а) *собственно экспрессивные игноративы* – содержащие специальные языковые или речевые средства, повышающие степень выразительности высказывания и эмоциональный фон общения (*Есть ли у присутствующих деятельность, ради*

которой нужно выпрыгивать из штанов и применять методологические наработки – я не знаю. Я даже о себе этого не знаю (Марача 2005)): в данном случае констатация незнания принимает интенсифицированную форму, в частности за счет речевого повтора (двойной ссылки на незнание), слова-интенсификатора (частица *даже*), лексических маркеров обыденно-разговорной коммуникации (*выпрыгивать из штанов*), посредством которых говорящий транслирует собеседнику свое эмоциональное состояние (раздражение, недовольство в связи с нерелевантностью поднимаемой темы);

б) *условно экспрессивные игноративы* – не содержащие таких средств ((1): *Is cadherin «processed» by PS?* – (2): *We don't know yet. We are currently studying that* (New 2000)). Однако даже в отсутствие специфических маркеров выразительности игноративные сообщения сложно квалифицировать в качестве экспрессивно нейтральных. Напротив, любому игноративу, представленному в научном диалоге, можно приписать статус условного экспрессива уже только на основании его использования в научном дискурсе: как известно, стилистический контраст способствует созданию экспрессивного эффекта (М. Риффатер).

Из всего сказанного выше можно заключить, что в научном диалоге, во-первых, репрезентативная семантика является для игноративов конвенциональной / ядерной / первичной (что детерминировано их поверхностной структурой); а во-вторых, репрезентативные игноративы могут выполнять разнообразные прагматические задачи, обусловленные как функциональными, так и выразительными свойствами ссылок на незнание.

2. Интеррогативные ссылки на незнание.

В процессе научной коммуникации иллокутивные параметры ссылок на незнание могут модифицироваться, в результате чего игноратив приобретает вторичные прагматические свойства. Так, в научном диалоге игноративное высказывание способно употребляться в интеррогативных контекстах, использоваться для запроса информации. Свою интеррогативную семантику ссылки на незнание развивают в том случае, если образуют реплики стимулирующего порядка, нацеленные на получение определенных сведений, например:

(1): <...> *I don't know if that's a set of 153 countries, if I understood correctly. If you can mention one or two of them in both extremes? Thank you very much.*

(2): *So this is a cross-country study. We haven't looked at specific country cases <...>.*

(3): *And I'm right to say that it was 153 countries that you analyzed?*

(4): *I think that's the number that we sort of started with, but every time we include another variable <...>. But that's where we started* (Redistribution 2015).

В приведенном примере ссылка на незнание (*I don't know if that's a set of 153 countries*), реализующая стимулирующую валентность, фактически

представляет собой общий вопрос уточняющего характера, направленный на получение подтверждения или отрицания предположения коммуниканта о количестве стран, задействованных в исследовательском проекте. После того как речевой акт вопроса, оформленный в виде игноратива, не возымел желаемого перлокутивного эффекта, он был продублирован в другой (более традиционной для вопроса) форме (*And I'm right to say that it was 153 countries that you analyzed?*), появление которой позволило адресату интерпретировать ссылку на незнание в правильном, интеррогативном ключе и предоставить запрашиваемые сведения.

Очевидно, что коммуникативные неудачи, связанные с неверным истолкованием иллокутивной силы игноративного сообщения, обусловлены общностью синтаксической структуры ассертивных и интеррогативных ссылок на незнание. В то же время учет таких условий их выражения, как условия искренности и условия успешности, позволяет четко дифференцировать их на два принципиально разных типа речевых актов. Так, условиями успешности интеррогативной ссылки на незнание, как и любого акта вопроса, являются: а) наличие у коммуниканта определенной информационной лакуны и б) пресуппозиция того, что адресат может ее заполнить, а условиями искренности – наличие у коммуниканта желания получить соответствующие сведения. В то же время условия успешности игноративных репрезентативов связаны с тем, что а) говорящий имеет основания считать свое незнание истинным и б) для него не очевидно, что слушающий это знает, а условия искренности – с тем, что говорящий действительно считает отсутствие определенных сведений истинным.

Из сказанного явствует, что наличие интеррогативной иллокуции в структуре игноративных высказываний детерминировано их особыми условиями искренности и успешности, обусловленными прагматическим контекстом, а также их позицией и ролью стимулирующего высказывания в составе диалогического единства:

игноратив-интеррогатив: *я не знаю / мы не знаем* (стимул) → реакция
vs.

игноратив-репрезентатив: стимул → *я не знаю / мы не знаем* (реакция).

Другими словами, интеррогативная ссылка на незнание не просто сигнализирует об отсутствии у субъекта незнания соответствующих сведений, но и провоцирует адресата взять слово, обуславливает появление очередной реплики собеседника (вызывает речевую реакцию адресата): (1): **Я не знаю, что такое эпистема.** – (2): *Но она знает. Если не знаешь, не ходи в это пространство. Какие эпистемы взяты.* – (3): **Я не знаю, что такое «взяты».** – (4): *Взяты – значит использованы <...>* (Данилова 2005). В приведенном примере ссылка на незнание может быть легко трансформирована в собственно вопрос с помощью единственной синтаксической операции – опущения (**Я не знаю,**

что такое эпистема = Что такое эпистема? или **Я не знаю, что такое «взяты» = Что такое «взяты»?**).

Интересно отметить, что наличие интеррогативной иллокуции в структуре игноративных высказываний может определяться и другими факторами, а именно типом объекта незнания. Если объектом незнания является конкретное лицо, например адресат, и особенности его вербального или невербального поведения, то игноративное сообщение приобретает также интеррогативную направленность: (1): *So I don't know if you want to add to it, Alex, but that's a quick answer for you, Alfonso* – (2): *I really want to just extend what's being said here with an analogy* (National 2009). Очевидно, что приведенная игноративная реплика носит апеллятивный характер благодаря ссылке на одного из участников научной дискуссии (*if you want to add to it, Alex*).

Таким образом, в научном диалоге эпистемический оператор (*я не знаю / мы не знаем* (*I don't know / we don't know*)) играет немаловажную роль в процессах передачи коммуникативной инициативы.

3. **Оценочные ссылки на незнание.**

В научном диалоге игноративные сообщения могут приобретать аксиологическую семантику, как позитивно-, так и негативно-оценочную. Цель аксиологически маркированных ссылок на незнание состоит в выражении положительного (одобрительного) или отрицательного (неодобрительного) отношения коммуниканта к определенному положению дел.

Негативно-оценочные игноративы (несогласие, сомнение, возражение и под.).

Негативно-оценочная функция игноративных реплик реализуется в двух видах контекстов: объектоориентированных и субъектоориентированных.

В фокусе **объектоориентированных** реплик находится **объект незнания** (совпадение объекта аксиологической и эпистемической оценки): *Now, the notion of universal healthcare is very appealing, having been raised in Italy, there was ways in which that does not work, too. So I don't know that the reimbursement by itself is a solution* (Nanotechnology 2007). В данном случае ссылка на незнание, по сути, представляет собой средство выражения несогласия с положением об общедоступности медицинской помощи в Италии. Безусловно, такие провокационные заявления не могут формулироваться прямо и категорично, в результате чего участники научного диалога прибегают к имплицитным способам выражения критики и сомнения, к числу которых относится и ссылка на незнание (*I don't know*). Модусная вставка *I don't know* семантически сближается одновременно с конструкцией *I disagree* (выражающей несогласие) и рамкой *I am not sure* (осложняющей высказывание говорящего оттенками неуверенности, сомнения, указывающей на субъективность полемического суждения и, таким образом, маскирующей и смягчающей

критику). В этом смысле показательным является аналогичный пример, но в котором эксплицитно представлены все три модуса – *I don't know*, *I am not sure* и *I disagree* (***I don't know that is true. I am not sure I would agree with that*** (Nanotechnology 2007)).

Что же касается **субъектоориентированных** реплик, то здесь в зоне аксиологических интересов находится **субъект незнания** (объектом аксиологической оценки является субъект эпистемической оценки): *Я говорю, что семинар нагенерировал уйму идей. Когда начинаешь разбираться, оказывается, что процентов шестьдесят из них уже давно были, и мы не знаем об этом только по своей неграмотности* (Данилова 2005). Приведенное игноративное сообщение приобретает негативно-оценочный потенциал благодаря мотивировочной части реплики (*по своей неграмотности*). В данном случае негативная оценка направлена на субъект незнания, которым, однако, выступает не конкретное лицо, а обобщенный класс лиц (*мы не знаем <...>*), к которому автор игноратива причисляет и самого себя (посредством неререферентного *мы*).

Прагматика субъектоориентированных и объектоориентированных реплик принципиально отличается: если первые, как мы выяснили выше, призваны смягчить несогласие / возражение, то вторые превращаются в открытое средство дискредитации, но только в силу обвинительного характера мотивировочной части высказывания.

Позитивно-оценочные игноративы (согласие, одобрение и под.).

Позитивно-оценочные ссылки на незнание всегда являются объектоориентированными: **Я не**

знаю более мощной коллективной организованности вокруг проблем истории, чем французская школа «Анналов» (Марача 2005) ***I don't know of any other book that does it the way this book does it, in such a clear, thorough way*** (Biology 2007). Они представляют собой не столько ссылку на отсутствие сведений, сколько указание на уникальность некоторого феномена, процесса, действия и под. Другими словами, их цель состоит не в том, чтобы констатировать незнание о «более мощной коллективной организованности вокруг проблем истории» или о лучшей книге, а в том, чтобы зафиксировать принципиальное знание об отсутствии таких.

Выводы

Таким образом, анализ функционирования в научном диалоге ссылок на незнание показывает, что игноративные сообщения не просто имеют рефлексивную природу, не только отражают определенное эпистемическое состояние говорящего, но и являются эффективным средством речевого воздействия. Помимо своей репрезентативной функциональной предназначенности, ссылки на незнание способны фиксировать в научном диалоге параллельные интенции говорящего: интеррогативную и оценочную (как позитивно-, так и негативно-оценочную). При этом на формирование иллюкутивных характеристик игноративных сообщений оказывают влияние самые разные факторы, как структурные, так и прагматические, причем в приблизительно равной степени. Только совокупный учет условий коммуникации позволяет раскрыть прагматическую специфику высказывания с модусом незнания.

Материалы исследования

Biology 2007 – *Biology of freedom* 2007. URL: <http://philoctetes.org/documents/Biology%20of%20Freedom.pdf>.

Bridging 2004 – *Bridging Research and Practice: An Examination of a Teaching and Learning Model* 2004. URL: https://mspn-static.s3.amazonaws.com/math_3_7.doc.

Nanotechnology 2007 – *Nanotechnology, Medicine, and Ethics* 2007. URL: <https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcbe/transcripts/june07/session5.html>.

National 2009 – *National Ethics Commissions: Looking Back and Looking Forward* 2009. URL: <https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcbe/transcripts/march09/session4.html>.

New 2000 – *New Theories of Presenilin Function* 2000. URL: <https://www.alzforum.org/webinars/new-theories-presenilin-function>.

Redistribution 2015 – *Redistribution, Inequality, and Growth* 2014. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/54/tr022614>.

WAC 2016 – *WAC 8 Digital Bioarchaeological Ethics Panel Discussion, 29 August 2016 and Resolution on Ethical Use of Digital Bioarchaeological Data* 2016. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11759-018-9343-0>.

Абрэу-Фамлюк 2022 – *Абрэу-Фамлюк В.Р.* Интерпретирующие речевые акты в структуре диалогического дискурса (на материале русского, английского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Абрэу-Фамлюк Виктория Раульевна. Минск, 2022. 198 с.

Данилова 2005 – *Данилова В.Л.* К проблеме вклада ММК в развитие психологии: стенограмма научной дискуссии 2005. URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/seminars/2004-2005/xichten/18.html>.

Задворная 2001 – *Задворная Е.Г.* Коммуникативно-эпистемические параметры высказывания и дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Задворная Елена Геннадиевна. Минск, 2001. 198 с.

Марача 2005 – *Марача В.Г.* Методология ММК как метафронезис коллективно-распределенного мышления 2005. URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/seminars/2004-2005/xichten/17.html>.

Маслова 2007 – *Маслова Л.Н.* Выражение согласия / несогласия в устной научной коммуникации: гендерный аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Маслова Любовь Николаевна. Москва, 2007. 192 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22300629>. EDN: <https://elibrary.ru/uaucyz>.

Методология 2004 – *Методология как технология* 2004. URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/seminars/2004-2005/xichten/7.html>

Милянчук 2005 – *Милянчук Н.С.* Лингвопрагматическая категория некатегоричности высказывания в научном стиле современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Милянчук Наталья Сергеевна. Владивосток, 2005. 214 с.

Моргун 2002 – *Моргун Н.Л.* Научный сетевой дискурс как тип текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Моргун Наталья Леонидовна. Тюмень, 2002. 289 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16001317>. EDN: <https://elibrary.ru/nmebwv>.

Простов 2006 – *Простов А.В.* Функционально-семантическая специфика глагольных форм прошедшего времени в современном французском научном дискурсе: на материале текстов по лингвистике: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Простов Александр Владимирович. Волгоград, 2006. 167 с.

Современная Россия 2014 – *Современная Россия: Дискуссия (Материалы семинаров Центра россиеведения ИНИОН РАН, 2008–2013)*. Москва, 2014. 324 с.

Соловьева 2007 – *Соловьева Н.В.* Толерантность в научной дискуссии: лингвостилистический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Соловьева Наталья Васильевна. Пермь, 2007. 244 с.

Сценарии 2009 – *Сценарии посткризисного развития России* 2009. URL: <https://polit.ru/article/2009/02/19/crisis>.

Щедровицкий 2005 – *Щедровицкий Г.П.* Мышление. Понимание. Москва: Рефлексия, 2005. 524 с.

Библиографический список

Smarandache 2007 – *Smarandache F.* Collected papers. USA: ILQ, 2007. 227 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/309425640_Considerations_Regarding_The_Scientific_Language_and_Literary_Language.

Stroinska 2001 – *Stroinska M.* Pragmatics of scientific discourse // *Linguistik als Kulturwissenschaft: Festschrift für Bernd Spillner zum 60. Geburtstag* / Peter Lang. Sonderdruck: Peter Lang, 2001. P. 199–209. URL: https://www.researchgate.net/publication/334331137_Pragmatics_of_Scientific_Discourse.

Задворная 2017 – *Задворная Е.Г.* О вариативности интерпретации имплицитных смыслов и их роли в развитии диалога // *Эксплицитное и имплицитное в языке и речи: мат-лы междунар. научной конф. / Минск. гос. лингвист. ун-т. Минск: МГЛУ, 2007. С. 35–37.*

Задворная 2023 – *Задворная Е.Г.* Эпистемическая зона веры в научном диалоге // *От слова к дискурсу: разнообразие форм и (не)предсказуемость смыслов: тез. докл. междунар. науч. конф. / Минск. гос. лингвист. ун-т. Минск: МГЛУ, 2023. С. 22–24.* URL: <http://e-lib.mslu.by/bitstream/edoc/12385/1/22-24.pdf>.

Нистратова 2004 – *Нистратова С.Л.* Об экспрессивности синтаксических средств научной речи // *Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. Вып. 28. С. 192.*

Соловьева 2011 – *Соловьева Н.В.* Типы речевого поведения в научном дискуссионном тексте // *Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 1. С. 180–184.* URL: <https://www.sibscript.ru/jour/article/view/3833>.

References

Smarandache 2007 – *Smarandache F.* (2007) Collected papers, vol. 1. USA: ILQ, 227 p. Available at: https://www.researchgate.net/publication/309425640_Considerations_Regarding_The_Scientific_Language_and_Literary_Language.

Stroinska 2001 – *Stroinska M.* (2001) Pragmatics of scientific discourse // *Linguistik als Kulturwissenschaft: Festschrift für Bernd Spillner zum 60. Geburtstag*. Sonderdruck: Peter Lang, pp. 199–209. Available at: https://www.researchgate.net/publication/334331137_Pragmatics_of_Scientific_Discourse.

Zadvornaya 2017 – *Zadvornaya E.G.* (2017) On the variability of interpretation of implicit meanings and their role in the development of dialogue. In: *The Explicit and the Implicit in Language and Speech: proceedings of an international scientific conference*. Minsk: MGLU, pp. 35–37. (In Russ.)

Zadvornaya 2023 – *Zadvornaya E.G.* (2023) Epistemic area of belief in scientific dialogue. In: *From word to discourse: diversity of forms and (un)predictability of meanings: proceedings of international scientific conference*. Minsk: MGLU, pp. 22–24. Available at: <http://e-lib.mslu.by/bitstream/edoc/12385/1/22-24.pdf>. (In Russ.)

Nistratova 2004 – *Nistratova S.L.* (2017) On the expressiveness of syntactic means of scientific speech. In: *Language, consciousness, communication: proceedings of an international scientific conference*. Moscow: MGU im. M.V. Lomonosova, issue 28, p. 192. (In Russ.)

Soloviyova 2011 – *Soloviyova N.V.* (2011) Types of speech behavior in the scientific discussion text. *The Bulletin of Kemerovo State University*. no. 1, pp. 180–184. Available at: <https://www.sibscript.ru/jour/article/view/3833>. (In Russ.)